

Пока плывут облака

Три повести о любви

16+

Мария Купчинова

Мария Купчинова
Пока плывут облака

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Купчинова М.

Пока плывут облака / М. Купчинова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Неправда, что все счастливые семьи похожи друг на друга: у всех - свои испытания. Счастье - не подарок свыше, оно приходит только к тем, кто умеет любить и беречь любимых. В книгу вошли три повести о любви. Разные герои, разные судьбы. И всем хочется счастья...

Содержание

Облака уплывают в даль	5
1	5
2	9
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Облака уплывают в даль

1

Маленький городской двор с трех сторон ограничен каменным забором, с четвертой – серая стена трехэтажного дома. Крайнее правое окно на третьем этаже открыто в любую погоду до поздней осени.

Во дворе – ни цветов, ни деревьев, только старые покосившиеся сараи, пыль да натянутые жильцами веревки для сушки белья. И еще детвора, которая проводит во дворе все свободное время.

Иногда кто-то из детей отрывается от игр, запрокидывает голову и смотрит на открытое окно. Из разговоров взрослых дети знают: там, возле окна, лежат в своей квартире два старика. Это вызывает даже не любопытство, скорее непонимание: как можно все время лежать? День за днем, год, другой...

***

– Зиночка, посмотри, какие облака...

Спит. Это хорошо, пусть спит. А облака... темно-серый цвет постепенно переходит в насыщенный синий, потом в лазоревый, отливающий лимонным...

Он не художник, не знает точные названия цветов, но ему кажется, что они должны так называться... С кровати он видит только небо. Весной – пух тополей, падающий на подоконник. И пыль... Как жаль, что руки не могут удержать кисть. Ему кажется: он сумел бы нарисовать их с Зиной среди этих плывущих по небу облаков. Он держал бы Зину за руку, и они плыли туда, где эти лазоревые, лимонные и малиновые цвета. Неважно, что там. Лишь бы держать ее руку.

Воспоминания приходят сами. Впрочем, они и не уходят. Толпятся в его голове, словно в наспех прибранной прихожей, выбрасывая, как зазывалы, яркие, аляповато раскрашенные картинки.

***

– Ипполит! Польшка, просыпайся! Папа уже встал! – старший брат запускает в него подушкой.

– Не смей называть меня Польшкой, – подушка летит назад.

Пара минут уходит на то, чтобы пригладить ладонями торчащие вихры да брызнуть в лицо холодной водой. Ежась от утренней свежести, братья стоят перед отцом.

Не очень Матвей Ипполитович, хозяин небольшого магазинчика в Новочеркасске, хотел брать младшего сына в Ростов: старший уже подмога, а за десятилетним неслухом – глаз да глаз нужен. Но, с другой стороны, пора к делу приучать. Пусть покрутится на рынке, посмотрит товар, поучится выбирать: какой – хороший, какой – ни полушки не стоит.

Ипполит и рад учиться, да, удивляясь окружающему, то и дело столбом застывает. Дома, в Новочеркасске, народ степенный, солидный, разговаривают вежливо, пропускают друг друга. А здесь, возле рынка, столпотворение. Все куда-то спешат, толкаются, громко окликают друг друга, словно этот базарный гул перекричать можно. И глаза разбегаются: то ли на огромный семиэтажный дом у входа на рынок смотреть – никогда Ипполит таких высоких и красивых домов не видел, то ли следить, как лошади-тяжеловозы, напрягаясь изо всех сил, зигзагом, тянут по Таганрогскому проспекту тяжело груженные подводы

Если бы не крик: «Посторонись», да крепкая рука брата, оттащившая мальчишку с дороги, точно попал бы под колеса телеги, доверху заполненной арбузами.

– Здесь не зевают, – только и сказал отец.

Пропустим, как кружится голова от обилия разноцветных товаров на прилавках; как наполняется слюной рот при виде пирогов и сладостей, выставленных на продажу, а уж каким интересом загораются глаза при взгляде на полураздетых барышень, про которых старший брат шепнул младшему, что это «девицы – прости, господи», о том и упоминать не станем.

Подтолкнем воспоминания дальше.

Доходный дом Рецкера-Хосудовского. Тот самый, который так поразил воображение Ипполита и занял целый квартал на Таганрогском проспекте. Колонны с капителями, полукруглые балконы да арки, огромные окна первого этажа. В одном из них объявление: «Фотография. Портреты различной величины».

На звонок колокольчика выглядывает немолодой человек с рыжими усами и бородкой клинышком:

- Могу я предложить вам свою помощь, сударь?
- Нам бы фотографию на память...
- С удовольствием, если изволите немного обождать.

Из-за ширмы, разгораживающей съемочный павильон, вылетает облачко. Нет, конечно, это всего лишь девушка в простом белом платье и маленькой белой шляпке. Но, легкая, словно перышко, она, кажется, парит в потоке света, льющемся из огромных окон.

– Матвей Ипполитович, какими судьбами занесло вас сюда? – девушка всплескивает руками, близоруко щурит миндалевидные карие глаза.

Отец подтягивается, почтительно кланяется:

– День добрый, Зинаида Павловна. Вот, первый раз в Ростов младшего своего привез, хотим сфотографироваться по этому поводу. А это старший, разрешите вам представить.

– Алексей, – Леша шелкает каблуками и тянется поцеловать руку. Девушка тербит кончик толстой переброшенной через плечо косы, смеется:

– Оставьте, Алексей Матвеевич, – мы пока мало знакомы.

Она улыбается, что-то говорит Ипполиту, но тот ничего не слышит, молчит и не сводит с нее глаз.

Вечером в Новочеркасске у Ипполита поднялась температура. Мама давала какие-то микстуры, а он, красный от жара, не находил себе места и прекрасно понимал: им завладела не простуда, а первая влюбленность. Вот только не догадывался, что болезнь эта – на всю жизнь.

На фотографии, которая до сих пор хранится в семейном альбоме, закинув ногу на ногу, сидит Матвей Ипполитович. Расстегнутый пиджак приоткрывает белую рубашку со стоячим воротником, жилет, из кармашка свисает цепочка часов. Братья стоят по бокам: справа, в новенькой студенческой тужурке, Леша насмешливо наблюдает за манипуляциями фотографа, слева напряженно смотрит перед собой Ипполит.

Все трое очень похожи друг на друга. Круглые лица, густые брови над близко посаженными глазами, острые, слегка вздернутые носы...

На обороте снимка – фамилия владельца фотографии, адрес и дата: 1916 год.

***

Боль сдавила грудь так, что невозможно дышать. Кажется, та телега с арбузами все-таки опрокинулась и придавила его. А рядом нет никого, чтобы сбросить с него эту тяжесть... Но он справится, выдержит. Нельзя оставлять Зиночку одну. Надо стараться думать о чем-то хорошем, вспоминать. Тогда боль хоть немного, но отступает.

***

Железнодорожный вокзал южного города. Гудки поездов, неразборчивые объявления по радио. Толпы пассажиров бестолково мечутся от одного вагона к другому. Провожающие неловко машут руками, встречающие распахивают объятия. Чемоданы и чемоданчики, корзины, баулы... Носильщики с бляхами на груди толкают тележки. Над всем этим незримо реет

чувство ожидания чего-то нового, которое вот-вот начнется, лишь только отойдет или придет именно тот поезд...

Отцовские часы по-прежнему отстукивают часы и минуты, но уже в кармане сына. Это для людей года бывают трагическими, а дни – сотрясающими мир; время – бесстрастно.

Через полчаса подойдет поезд, который увезет его в Питер. Там начнется новая жизнь: Алексей уже подыскал младшему брату и жилье, и работу. Девять дней назад он похоронил маму, и с этим городом его больше ничто не связывает.

Удивительно, что он увидел ее в толпе. Но увидел. Узнал. Хотя от той девушки-облачка не осталось решительно ничего.

Разложила на асфальте перрона какие-то книжки, брошюры: пытается продать. Да кто осмелится подойти к женщине, которая смотрит поверх голов, отгородившись от потенциальных покупателей таким щитом внутреннего достоинства, что он кажется вполне осязаемым. Вот и огибает ее толпа, не рискуя приближаться.

– Зинаида Павловна, добрый день.

Серые глаза неприязненно измерили с ног до головы:

– Мы знакомы?

– Двенадцать лет назад батюшка представил меня вам. Правда, с тех пор я несколько изменился. С вашего позволения, Ипполит Попов, сын Матвея Ипполитовича Попова, если еще помните.

– Да...

Крохотная трещинка в щите ограждения и неприязнь превращается в настороженность:

– Что вас интересует, Ипполит Матвеевич? Может, купите книжку про Пинкертона? Занятное чтение, если надо провести время. А уж в поезде...

Ипполит наклонился, собрал с перрона разноцветные книжки, брошюры:

– Давайте уйдем отсюда, Зинаида Павловна, все равно, с такими глазами, как у вас сейчас, не продашь ни одной.

Сколько раз он ломал голову: почему она согласилась уйти? Потому ли, что самой это стояние было неважно, или почувствовала его решимость...

Он так и не задал этот вопрос. А потом пришло время, когда это стало неважным.

Молча прошли по Большой Садовой, на Таганрогском проспекте повернули направо. Наверное, они смотрелись забавно: она, очень худая, высокая, в длинном черном платье, с темными волосами, заколотыми на затылке, отрешенно смотрящая перед собой, и он, на голову ниже, коренастый, иногда забегающий вперед, пытающийся прикоснуться к ее руке, но не решающийся.

У Старого базара Ипполит остановился: дом Рецкера – Хосудовского, который когда-то восхитил его – разрушен. Более того, руины так наклонились, что, казалось, при первом порыве ветра, он рухнет полностью, схоронив под грудой строительного щебня и кирпича трехэтажный дом, стоявший рядом. Нечаянно вырвалось:

– А ведь казался такой крепостью. Когда же это случилось?

– Еще в двадцатом году сгорел, когда красные Ростов брали. Да разве только он казался крепостью? – горько усмехнулась спутница.

– И не страшно там жить? – Ипполит указал на соседний дом.

– Я именно там и живу. А жить просто страшно. Место не имеет значения, – она пожала плечами. – Хотя, конечно, когда темнеет, лучше не ходить: там в подвалах бездомные обитают, ну, и шантрапа всякая. Я очень прошу Нору не выходить лишний раз из дома.

Давно некрашенная дверь на третьем этаже распахнулась, в проеме стояла тоненькая, словно хворостинка, девочка лет семи-восьми с глазами испуганного олененка:

– Мама, тебя так долго не было, – увидела Ипполита и еще больше испугалась, прервав себя на полуслове.

– Я тебе много раз говорила: не открывай никому дверь.

Хозяйка квартиры хмуро пояснила гостю:

– Нам с дочкой в отцовском доме две комнаты оставили, но предупредили, что временно: как только появится кто-нибудь, сильнее нуждающийся, чем мы, так и вселят. Вот я и боюсь, что придут, когда Нора одна дома будет.

Ипполит вынул из чемодана круг колбасы, который брал с собой в дорогу, хлеб, и увидел, как загорелись глаза девочки. А уж кусочки рафинада, пусть даже с прилипшими хлебными крошками, привели ее в такое восхищение, что Ипполиту пришлось отвернуться, чтобы не смущать ни дочку, ни маму.

– Простите за нескромность, Зинаида Павловна, можно спросить, где отец Норы?

– Отец Норы вместе с моим отцом ушел с Антоном Ивановичем.

Хозяйка твердо посмотрела гостю в глаза и, поняв, что он не догадался, о ком речь, уточнила:

– С Деникиным, – вздохнула. – На восьмом месяце беременности я была бы для них обузой.

– На что же вы с Норой живете?

– А что я умею? Преподаю музыку. Но время от времени, моя фамилия напоминает властям о том, что я существую, тогда меня увольняют. Вот и вчера опять...

Ипполит вдруг вспомнил, как папа дома рассказывал жене о встрече с «этой очаровательной девочкой, Зиночкой»:

– Представляешь, дочь одного из самых богатых людей в городе, а собирается стать артисткой. Голос – чарующий, сама – как нимфа, но ведь несерьезно это для девушки из такой семьи...

И он решил:

– Зинаида Павловна, я вас очень прошу, выслушайте меня пожалуйста. Конечно, вы со мной совсем незнакомы, но все же я прошу вас стать моей женой. К фамилии «Попов» у нынешних властей претензий нет. Правда, батюшку три года назад обвинили в саботаже постановлений новой власти, но суд оправдал его. Хотя это было уже неважно: батюшка умер от грудной жабы, не дожив до суда.

– Сколько вам лет, Ипполит Матвеевич?

– Двадцать два.

– Я на восемь лет старше. Разве вы не понимаете, что я сломаю вам жизнь?

– Вы сделаете меня счастливейшим человеком, если позволите заботиться о вас с Норой.

Алексей слал письма, телеграммы, но так и не дождался в Питере младшего брата. В тридцатом году дом Рецкера-Хосудовского восстановили и нарекли гостиницей «Дон».

А в тридцать пятом – у Норы появился маленький братик, Руслан.

2

– Зина, Зиночка...

Как же нелегко управлять беспомощным телом. Вот так, понемножку, опереться на локоть, повернуть голову...

– Все хорошо, Ипполит, мы вместе.

– Какое счастье, родная. Как спала? Что видела?

Он думает, что спрашивает. На самом деле, получающиеся звуки – не вняты. Но она его понимает.

***

Со стороны Дона ползут грозовые тучи. Темнота, сгустившаяся за окном, заползает в комнату. Давит на грудь разлитое в воздухе ожидание. Еще несколько минут – и хлынет из поднебесья поток воды, словно телега по булыжной мостовой загрохочет гром.

Путается память. Опять арбузы. Земля такая огромная, а спрятаться негде: один за другим зеленые полосатые шары скатываются с телеги на землю, с треском бьются, брызгая соком. Летят куски алой мякоти. Все на него одного... Белые брюки – в красных пятнах. Зиночке придется отстирывать...

Не арбузы это – война. Не белые брюки, а бинты. Не сладкий арбузный сок, а кровь.

Тоненькая девочка – санитарочка, так похожая на Нору, прикрыла его собой.

Раздробленные ноги не слушаются, но он тащит, волочит девчоночку на себе, пока кто-то силой не разжимает ему руки и сквозь шум в голове не пробиваются слова:

– Оставь, браток. Ей уже не поможешь.

Тогда он закрывает глаза и летит в пропасть.

***

У нее свои воспоминания. В них все черное. Небо, дома, улицы, руины... И главное – страх.

В самом жутком сне веселой и беззаботной девчонке, мечтавшей о театре и красивой любви, не могло присниться увиденное наяву в том сошедшем с ума девятнадцатом: рабочие, повешенные на Большой Садовой генералом Кутеповым.

Она не помнила свои сны, но просыпалась с криком, в слезах.

Муж вздыхал: «У беременных всегда – нервы».

Отец и муж убеждали: это ответ на красное насилие.

Но ей-то было страшно оттого, что они, такие милые, интеллигентные, находили слова оправдания. Она знала – это не их вина. Безжалостное время: две войны и две революции научили убивать.

Отец, прощаясь, сказал:

– Пойми, Зина, бывают времена, когда невозможно болтаться посередине проруби. Хочешь жить – приходится выбирать, к какому берегу прибиваться. Это не то же самое, что крутануть шарик и ждать: выпадет белое или красное. Жизнь, прожитая раньше, всегда перевешивает. Даже если захочешь зачеркнуть ее – в новой ты будешь чужим.

Зина понимала его правоту. Но знала и то, что за все смерти когда-нибудь придется держать ответ. На том ли свете, на этом... Было безумно страшно, что вина эта может упасть на ее маленькую дочку. Потому и пыталась отгородиться от всех: защитить, уберечь...

Замуж согласилась выйти за этого мальчика; подумала: судьбу можно обмануть.

Мальчик оказался мужчиной. Даже поверилось, что и правда, с ним – не страшно.

***

А потом началась война.

Бомбежки. Бесконечное: «Граждане! Воздушная тревога!» по радио, старательно подавляемый ради детей страх, постоянно сосущий под ложечкой, полыхающая факелом гостиница «Дон». Она с детьми в соседнем доме, и единственное, что в ее силах – только прижать их к себе и закрыть шестилетнему Руслану глаза и уши, чтобы отодвинуть этот ад.

Трупы на улицах. Невозможность осознать ту зыбкую грань, которая отделяет еще мгновение назад живого человека, со всеми его страстями, желаниями, страхами от бесчувственного слова «труп».

Страшная неделя в холодном ноябре, когда немцы первый раз взяли Ростов, и вторая оккупация, продлившаяся семь месяцев. Голод...

Оказалось, это все было не самым страшным. Горе – не вспоминается, оно живет в ней постоянно. Уже много лет.

***

– Мадам Зинаида, поверьте: мы, немцы – разные...

Французский язык обер-штаб-интенданта хорош, но акцент все-таки слышен.

– У вашей дочки большой талант. Вы сами знаете: Господь Бог дал ей голос, красоте которого позавидуют многие оперные примы. Она должна петь на сценах лучших театров мира. Но для этого надо просто выжить сегодня, в этой сумасшедшей бойне, которая когда-нибудь обязательно закончится.

Она почти не слышит, что говорит немец... Ганс... Он хочет, чтобы она называла его Гансом. Наверное, он захочет, чтобы она расплатилась за то, что сегодня он опять спас Нору. Без него – ее обязательно угнали бы в Германию.

Спиридоновна уже который раз смеется ей в глаза:

– Что, радуешься, вражья душа? Думаешь, твои пришли? Вот пусть и едет доченька твоя ненаглядная работать у них в свинарниках. Будет там свои арии распевать...

– Ваша уполномоченная по дому – истинная большевичка, – слово «большевичка» Ганс с удовольствием выговорил по-русски, – она с таким упорством включает Нору в списки тех, кто подлежит отправке на земли фатерлянда, что в конце концов добьется своего. Я завтра уезжаю во Францию и берусь доставить фройлен Нору к своему другу в Париж. Он профессор музыки. Я знаю, он сочтет за честь заниматься с вашей дочкой и подготовить ее к оперной карьере.

Этого не может быть. Они сидят в комнате с окнами, перечеркнутыми крест-накрест бумажными лентами, в пальто, перчатках и мерзнут. Утром, пока не рассвело, она ходила на набережную, к вагонам, в которых перевозили зерно. Сегодня ей повезло: сумела незаметно залезть в вагон и наместить сумочку ячменя. А прошлый раз вернулась с пустыми руками: встреченный немец приказал накормить его лошадь...

О какой оперной карьере говорит этот нелепый Ганс?

Обер-штаб-интендант истолковывает удивленный взгляд фрау Зинаиды по-своему:

– Понимаю, я должен был бы взять и вас с мальчиком. Но не могу. Это будет невозможно объяснить.

– О нас речь не идет: однажды я уже сделала свой выбор, а Руслан – слишком мал для того, чтобы решать. Скажите, Ганс, зачем вам это?

Седой немец снимает очки, долго протирает стекла, наконец пожимает плечами:

– Попытаюсь спасти хоть одну душу. Может, когда-нибудь мне это зачтется.

***

Когда наступающие войска подошли к Дону, сердце Ипполита оборвалось. На правом берегу не было видно гостиницы «Дон». Совсем. Тогда первый раз ноги онемели и отказались подчиняться... Но он их заставил. По льду через Дон, стреляя, отстреливаясь, ничего не видя, не замечая, туда, к своим... В ночь на четырнадцатое февраля выпал снег, а утром сразу оттепель. Потоки воды по улицам уносили грязь и кровь...

В насквозь промокших валенках ворвался на третий этаж – от последнего авиационного налета стекла все-таки вылетели, сорвалась дверь с петель, в комнате пол засыпан обвалившейся штукатуркой, но вот она, Зиночка, вот Руслан...

Обхватила, прижалась и зарыдала. Сколько лет вместе прожито, никогда больше с ней такого не было. Она умела прятать свои чувства. Но тогда... Била его кулачками в грудь, трясла, кричала: «Где ты был так долго?» ...

***

– Зиночка, ты только посмотри, какая радуга.

– Да, родной.

Ей не хочется открывать глаза, но ведь он так ждет этого. И она открывает, смотрит, даже улыбается... пусть он не беспокоится за нее: она сильная, она сможет...

3

Жаркий ветер несет в комнату сладкий аромат. Еще один летний день жизни. Зина так любит лето...

– Чувствуешь, Зиночка? Медом пахнет. Наверное, акация зацвела. Мне кажется, я отсюда вижу ее белые гроздья.

– Ты фантазер, Ипполит, – на нашей улице растет желтая акация, и то – далековато.

– Все равно... Мы с тобой счастливые, правда? Сначала ждали, когда сирень зацветет, потом черемуха, акация. Если повезет, еще и цветения липы дождемся.

Не важно, говорят они словами или взглядами. Главное – понимают друг друга.

– Да, родной, конечно...

Праздникам так никогда не радовались, как этой весной – ароматам цветущих кустов и деревьев. Впрочем, много ли их было, этих праздников? И были ли вообще?

Разве что, когда изредка ходили на концерты приезжих оперных знаменитостей в филармонию. Ирина Архипова, молоденькая Леночка Образцова...

Зиночке казалось: это поет Нора. После концертов Зина плакала, стараясь скрыть слезы, а он прижимал ее к себе, уговаривал: «Мы просто ничего не знаем, Нора жива, я верю. Ты же знаешь: она не может написать нам».

Верил ли он действительно в это...

Глаза закрываются. Опять накатывает боль. Нет-нет, нельзя раскисать. Жужжат пчелы. Как тогда, когда они с Норой покупали арбуз...

***

Утром в музыкальном училище на Большой Садовой в списке поступивших они несколько раз, для большей верности, нашли Элеонору Попову, а на обратном пути заглянули на Старый базар – отметить событие.

Менялись названия улиц, строились новые здания, старые обретали новых хозяев и получали новый статус, но рынок оставался все тем же: суетливо-говорливым и беспредельно разноцветным.

Возле блестящей зелены горы арбузов их с Норой отеснил от прилавка какой-то бело-брысый молодой человек в очках, словно эти арбузы были единственными на рынке. Долго перебирал арбуз за арбузом: сжимал в руках, рассматривал хвостики, попки, в конце концов пробормотал: «Не то» и повернулся уходить. Продавец, закопченный солнцем до черноты, рассердился:

– Как «не то»? Какое тебе «то» нужно? Смотри! – и швырнул арбуз на землю.

Лучшую рекламу товару не придумать. Сладкий даже на вид ярко-алый сок растекался по асфальту, от сахарной мякоти с редкими черными косточками – не оторвать глаз. На пиршество тут же с жужжанием накинудись пчелы, не минуя и незадачливого покупателя, забрызганного соком, а продавец, давший выход взрывному темпераменту, спокойно и нравоучительно продолжил:

– Выбираешь – твое право, но выбор надо уметь делать. И отвечать за него.

Огромный арбуз с большим желтым пятном на боку не поместился в авоську. Кажется, он до сих пор помнит, как прижимал к груди это полосатое чудо, пахнущее нагретой на солнце травой, как визжал от восторга трехлетний Руслан, как смешно вымазались все арбузным соком: и Русланчик, и он сам, и Нора, которую он называл Бельчонком за раскосые глаза, пышные светло-каштановые волосы и любовь ко всякого рода орешкам.

Хороший был день. А когда Руслан неожиданно заснул прямо на полу кухни, устав от радости, Нора тихонько спросила:

- Пап, почему у нас дома есть фотографии твоих родителей, а маминых – нет?
И вся радость оборвалась.
- Ты у мамы спрашивала?
- Да. Она сказала: «Не буди лихо» ...
- Тогда и я тебе скажу то же самое. Ты уже не маленькая, слышишь, как ночью по улицам грохочут воронки. Никто не знает, куда они завернут сегодня или завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.